

СТИВЕН
КИНГ

КУДЖО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King

CUJO

Перевод с английского

Художник *В. Лебедева*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения издательства NAL Signet,
a member of Penguin Group (USA) Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Куджо : [роман : перевод с английского] / Стивен
Кинг. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. —
(Король на все времена).

ISBN 978-5-17-094633-4

Увалень сенбернар, преследуя кролика, забирается в нору. А в ней
таится зловещая тварь, жуткое, кошмарное нечто...

Маленький мальчик видит, как сама по себе отворяется дверца
шкафа, из темноты на него глядят пылающие пламенем глаза...

Провинциальный городок охвачен ужасом — его жителям грозит
смертельная опасность...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Stephen King, 1981

© Перевод. «Кэдмэн», 2012

ISBN 978-5-17-094633-4 © Издание на русском языке AST Publishers, 2015

На страдания у них
был наметанный глаз.
Старые мастера,
как точно они замечали,
где у человека болит, как это в нас,
когда кто-то ест, открывает окно
или бродит в печали...

*Уистен Хью Оден
В музее изящных искусств*

Как умирал мой старый пес,
я видел до конца;
как он от боли землю грыз
у моего крыльца.
Серебряной лопатой я
ему могилу рыл;
на золотой цепи туда его я опустил.
И повторял, звено во тьму
спуская за звеном:
«Прощай, мой старый верный пес,
ты был хорошим псом!»

Народная песня

Ну что ж, все в порядке.

Профессор Вкусных Каш

Когда-то, не так давно, в маленьком городке Касл-Рок, штат Мэн, появился монстр. Его жертвами стали официантка Альма Фречетт в 1970 году; женщина по имени Полина Тузейкер и ученица старших классов Черил Муди в 1971 году; девушка по имени Кэрол Данбаргер в 1974 году; учительница Этта Рингольд осенью 1975-го; и наконец, зимой того же года, девятилетняя Мэри Кэт Хендрасен.

Это был не оборотень, не вампир, не невиданная тварь из колдовских лесов или заснеженных равнин — нет, это был всего-навсего полицейский по имени Фрэнк Додд, мучимый психическими и сексуальными комплексами. Его разоблачил некий Джон Смит с помощью своего рода магии, но прежде чем Додда успели арестовать, он покончил с собой (возможно, это было к лучшему).

Разумеется, городок охватила паника; впрочем, она быстро сменилась радостью по поводу того, что монстр, убивший столько невинных людей, наконец-то мертв. В могиле Фрэнка Додда оказались закрыты все кошмары горожан.

Но даже в наш просвещенный век, когда большинство родителей беспокоятся о психическом уроне, который они могут причинить своим детям, находи-

лись в Касл-Роке родители, пугавшие детей тем, что, если те будут вести себя плохо, к ним ночью придет Фрэнк Додд; Фрэнк Додд в блестящем черном дождевике, улыбающийся, с протянутыми к горлу жертвы руками.

«Он там, — шептала бабушка под завывание ветра в каминной трубе. — Он там, и если ты будешь плохо себя вести, то увидишь его лицо в окошке, когда все уснут... все, кроме тебя, и, может быть, он глядит на тебя ночью из шкафа, со знаком «стоп» в одной руке, с которым он переводил детей через дорогу, и с бритвой, которой он убил себя, в другой... так что тише, детка... тсс... тсс...»

Но все же это кончилось. Остались ночные страхи и пустой дом Додда (его мать вскоре умерла от сердечного приступа), сразу же приобретший репутацию дома с привидениями, — однако это были преходящие естественные следствия цепи бессмысленных убийств.

Время шло. Пять лет.

Монстр сгинул, монстр был мертв. Фрэнк Додд гнил в своем гробу.

Но монстр не может умереть. Оборотень, вампир, неведомая тварь из леса. Он бессмертен.

Он снова явился в Касл-Рок летом тысяча девятьсот восьмидесятого года.

Четырехлетний Тэд Трентон проснулся в одну из майских ночей того года, потому что ему захотелось в туалет. Он встал с кровати и, полусонный, поплелся к двери. Когда он, закончив свои дела, ложился опять, он и увидел кого-то у себя в шкафу.

Этот «кто-то» был невысокого роста, с маленькой головкой, вздернутой над покатыми плечами. Глаза его мерцали, словно янтарные впадины, — волк это был или человек? И эти глаза следили за мальчиком, когда он ложился. Волосы чудища стояли дыбом, из его глотки вырывалось хриплое ледяное дыхание, дикие глаза, смеясь, обещали скорую смерть и крики, которых никто не услышит. Кто-то сидел в шкафу Тэда.

Он слышал хриплое ворчанье и чувствовал сладковатый душок падали.

Тэд Трентон закрыл глаза руками и закричал.

В соседней комнате тревожный голос. Отец.

Испуганный вскрик: «Что там?» Это мать.

После звук шагов, почти бег. И в тот момент, когда они вошли, он выглянул из-за растопыренных пальцев и увидел, что тот, в шкафу, по-прежнему смотрит на него и глаза его угрожают: «Ничего, вот когда они уйдут...»

Зажегся свет. Вик и Донна Трентон подошли к его кровати, пораженные его бледностью и вытаращенными глазами, и мать произнесла — нет, скорее прошептала:

— Вик, я говорила, что три хот-дога — это слишком!

И отец сел к нему на кровать, обнял его за плечи и спросил, что с ним такое.

Тэд осмелился снова взглянуть в сторону шкафа.

Монстр исчез. Вместо ненасытных глаз он увидел лишь две связки одеял и теплых вещей, которые Донна не собралась еще отнести на чердак. Перед ними стоял стол, на который Тэд забирался, когда хотел

достать что-нибудь с верхней полки. Вместо уродливой треугольной головы, вздернутой словно в удивлении, его глазам предстал игрушечный мишка, взгромоздившийся на одеяла. И сейчас его коричневые глаза-пуговицы ласково глядели на Тэда, а не те ужасные желтые глаза.

— Что с тобой, Тэдди? — снова спросил отец.

— Там был монстр! — выкрикнул Тэд. — У меня в шкафу! — И он зарыдал.

Подсела и мать; они пытались успокоить его вдвоем. Обычный ритуал всех родителей. Они объясняли ему, что никаких монстров нет; что ему просто приснился страшный сон. Мама сказала, что тени могут иногда принимать странные очертания, но это не страшно; и папа подтвердил, что, конечно же, ничто в их мирном доме не может причинить ему вреда. Тэд кивнул, хотя и знал, что это не так.

Отец объяснил, как Тэд мог в темноте принять одеяла за плечи, а медвежонка — за голову монстра; и как отраженный свет из ванной превратил стеклянные глазки игрушки в жуткие глаза неведомой твари.

— Вот, смотри, — сказал он. — Смотри как следует.

Тэд послушался.

Отец взял одеяла и задвинул их дальше в шкаф. Тэд слышал, как тихонько звякнули вешалки, говоря о чем-то на своем вешалковом языке. Это было смешно, и он даже улыбнулся. Мама заметила эту его улыбку и улыбнулась в ответ с облегчением.

Папа вылез из шкафа, взял медвежонка и дал его Тэду. Потом он закрыл дверцу и прижал ее столом.

Вернувшись к Тэду на кровать, он еще улыбался, но глаза его были серьезны.

— Порядок, Тэд?

— Да, — ответил Тэд, но потом проговорил как бы с трудом: — Но он был там, папа. Я его видел. Правда.

— Ты *вообразал* его, Тэд, — сказал папа, потрепав Тэда по волосам большой теплой рукой. — Монстров не бывает. Они существуют только в сказках и в твоём воображении.

Он посмотрел на мать и опять на отца — на их большие, светящиеся любовью лица:

— Правда?

— Конечно, правда, — сказала мама. — Лучше сходи и сделай пи-пи, как хороший мальчик.

— Я уже. Я потому и проснулся.

— Вот и хорошо.

Тэда укрыли одеялом и поцеловали.

И когда отец с матерью направились к двери, страх навалился на него, как холодная перина. Как безнадежное предчувствие смерти. «О, пожалуйста, — думал он; ничего больше, только: — О, пожалуйста, пожалуйста, пожа...»

Должно быть, отец уловил его мысли, потому что обернулся, держа руку на выключателе, и повторил:

— Нет никаких монстров.

— Нет, папа, — откликнулся Тэд, словно в свою очередь убеждал в этом отца. Монстров нет. *Кроме одного, что у меня в шкафу.*

Свет погас.

— Спокойной ночи, Тэд. — Нежный голос матери долетел до него, и он готов был крикнуть: *Осторожнее, мама, они и тетя едят! Во всех фильмах они утаскива-*

ют тетя и едят их! Ну пожалуйста, ну пожалуйста, ну...

Но они все равно ушли.

И четырехлетний Тэд Трентон остался в темноте на своей кровати, с одеялом, натянутым до подбородка. На одной стене у него висел Люк Небоход, на другой жизнерадостный бурундучок (сообщающий: «Если жизнь преподносит вам кислые лимоны, делайте из них лимонад!»), на третьей — вся команда из улицы Сезам: Биг Берд, Берт, Эрни, Оскар и Гровер. Все это были добрые существа. Но они не могли защитить от ветра, завывавшего за окном и царапавшего крышу. В эту ночь он больше не уснет.

Но мало-помалу его нервы расслаблялись, подступило забытье...

Как вдруг новый звук, ближе, чем свист ветра, разбудил его опять.

Это скрипнула дверца шкафа:

— Кхххххх...

Тонкий скрип на такой высокой ноте, что его слышат только кошки и маленькие дети, проснувшиеся среди ночи.

Дверца медленно, дюйм за дюймом, приоткрывала из темноты свой мертвый зев.

Там опять был монстр. Там же, где и раньше. Он ухмылялся; его вздернутая голова поднималась над покатыми плечами; янтарные глаза все так же горели животной хитростью. «Я же говорил тебе, что они уйдут, — шептал он. — Они всегда уходят. И тогда я возвращаюсь. Мне нравится возвращаться. И ты мне нравишься, Тэд. Теперь я буду приходить каждую ночь и раз за разом стану подходить немного ближе... пока

однажды ночью не успеешь ты закричать, как услышишь мой голос *совсем рядом*, и вот тогда я съем тебя, и ты будешь совсем мой».

Тэд оцепенело смотрел на существо в шкафу. Он почти узнавал его, и это было хуже всего, он почти...

«Ты узнал меня, Тэди? Я уже давно здесь. Одно время меня звали Фрэнк Додд, и я убивал тетя, и, быть может, ел их. Я древний монстр, Тэд, я всегда на страже и скоро приду и заберу тебя. Жди и смотри, как я подхожу к тебе ближе... ближе...»

Может быть, голос твари был только его собственным свистящим дыханием или воем ветра за окнами — это было не важно. Он слушал его, дрожа от ужаса, не в силах оторваться от зыбкого ухмыляющегося лица. Он не уснет этой ночью, быть может, он не уснет уже никогда.

Но чуть позже, где-то между двенадцатью и часом ночи, Тэд задремал опять — потому что он был маленьким и хотел спать. Он погрузился в беспокойный сон, в котором за ним охотились поросшие шерстью чудовища с острыми белыми зубами.

В трубе продолжал завывать ветер. Белая весенняя луна поднялась высоко в небе. Где-то далеко, на бескрайней равнине или в чаще хвойных лесов, залаяла собака, и опять воцарилась тишина.

А в шкафу Тэда Трентона кто-то с янтарными глазами продолжал бодрствовать.

— Это ты положил одеяла на место? — спросила Донна мужа следующим утром. Она стояла у плиты, поджаривая ветчину. Тэд в детской комнате смотрел «Наш новый зоопарк» и ел «Твинклс». «Твинклс» —

кашу Шарпа — Трентоны получали бесплатно, как и все прочие каши Шарпа.

— Ммм? — спросил Вик, погруженный в спортивный раздел газеты. Коренной ньюйоркец, он успешно противостоял чарам команды «Ред сокс», но был мазохистски рад, узнав о неудачном старте «Метс» в чемпионате.

— Одеяла в шкафу у Тэда. Они опять там. Стол отодвинут, и дверца опять открылась. — Она поставила сковородку с шипящей ветчиной на стол. — Ты их клал обратно?

— Нет, — сказал флегматично Вик, переворачивая страницу. — Я и так провонял нафталином.

— Странно. Наверное, он сам их переложил.

Вик наконец сложил газету и посмотрел на нее:

— Ты о чем, Донна?

— Помнишь его страшный сон?

— Еще бы. Я думал, он умирает.

Она кивнула:

— Он решил, что вместо одеял у него в шкафу...

— Бука, — сказал Вик, улыбнувшись.

— Вот-вот. И ты дал ему медвежонка и отодвинул эти одеяла назад. Но утром, когда я зашла, они снова были на прежнем месте. В первый момент я подумала...

— Да, теперь я признаю, что три хот-дога — это перебор, — сказал Вик, снова раскрывая газету.

Позже, когда Вик уже уехал на работу, Донна спросила Тэда, зачем он положил одеяла обратно.

Тэд поглядел на нее, и его обычно живое, веселое лицо вдруг сделалось бледным и застывшим, как у маленького старичка. Перед ним лежала книжка-рас-

краска «Звездные войны», которую он разрисовывал зеленым фломастером.

— Я не трогал их.

— Но, Тэд, если ты не делал этого, и папа тоже, и я...

— Это монстр, — сказал Тэд. — Тот, что сидит у меня в шкафу.

Он опять вернулся к своему занятию.

Она стояла над ним, немного испуганная. Он был слишком впечатлительным для своего возраста. Нужно вечером поговорить об этом с Виком. Как следует поговорить.

— Тэд, помни, что сказал тебе папа, — произнесла она наконец. — В твоём шкафу никого нет.

— Днем нет, — возразил он, улыбаясь ей так широко, что у нее сразу отлегло от сердца. Она нагнулась и поцеловала его в щеку.

Она собиралась поговорить с Виком, но потом, пока Тэд был в садике, явился Стив Кемп, и она забыла об этом, а ночью Тэд опять кричал, что у него в шкафу монстр.

Дверца шкафа была приоткрыта, одеяла лежали на прежнем месте. На этот раз Вик отнес их на чердак и сложил там.

— Все, Тэд, — сказал он, целуя сына. — Там ничего нет. Спи спокойно.

Но Тэд еще долго не мог уснуть, и, прежде чем ему это удалось, дверца опять тихо скрипнула, ее мертвый зев приоткрыл мертвую черноту — черноту, где таилось нечто шерстистое, с острыми зубами, пахнущее кровью и гнилью.

— Привет, Тэд, — прошептал монстр своим протухшим голосом, и луна заглянула в окошко, как белый, выпученный глаз мертвеца.

Той весной самой старой жительницей Касл-Рока была Эвелин Чалмерс, которую старожилы называли тетя Эвви, а почтальон Джордж Мира — не иначе как «старая болтливая стерва». Джордж Мира доставлял ей почту, состоявшую из каталогов, приложений к «Ридерс дайджест» и брошюрок Братства Христова, и выслушивал ее бесконечные монологи. «Единственное, что эта старая болтливая стерва говорит толкового, так это предсказания погоды», — говаривал Джордж своим приятелям, собираясь с ними у «Пьяного тигра». Дурацкое имя для бара, но им оно нравилось, поскольку бар все равно был единственным в округе.

Все соглашались с Джорджем. Тетя Эвви считалась старейшей жительницей Касл-Рока с тех пор, как столетний Арнольд Хиберт, который под конец впал в маразм и беседовать с ним было все равно что с пустой жестянкой из-под кошачьего супа, свалился с крыльца местного дома для престарелых и сломал шею.

Тетя Эвви была уже почти такой же старой, как Арни Хиберт, и почти в таком же маразме, но в свои девяносто три она находила достаточно сил, чтобы ежедневно препираться с Джорджем Мирой, и оказалась достаточно сообразительной, чтобы не потерять свой дом, как Арни.

И она неподражаемо предсказывала погоду. В городе все знали, что тетя Эвви никогда не ошибается

относительно трех вещей: недели, когда нужно начинать сенокос, какая в этом году уродится черника и какая будет погода.

Однажды в этом июне она подковыляла к своему почтовому ящику (который, как подумал Джордж Мира, перейдет к Вину Мерчену, когда старой болтливой стервы не станет). Она изо всех сил прокричала приветствие (глухота, как это обычно бывает, заставляла ее думать, что все вокруг также глухи) и после прокаркала, что нынешнее лето будет самым жарким за последние тридцать лет. «И в начале, и в конце, — каркала Эвви в полуденной тишине. — И в середине».

— Правда? — спросил Джордж.

— *Что-о?*

— *Я спрашиваю, это правда?* — Тете Эвви нужно было кричать в самое ухо.

— *Я поцелую свинью, если будет не так!* — торжествующе прокаркала тетя Эвви. Пепел ее сигареты упал на плечо форменной блузы Джорджа, выстиранной накануне; он безропотно стряхнул его. Тетя Эвви сунулась в окошко его машины — все лучше, чем вопить ему в ухо.

— Все полевые мыши попрятались в подвалах! Томми Нодье видел у Моссунтик-Понд, как олень чешет свои рога! Трава под снегом осталась зеленой! Зеленой, Мира!

— Неужели? — спросил Мира, поскольку нужно было что-то спросить. У него уже начинала болеть голова.

— *Что-о?*

— *Неужели, тетя Эвви?* — заорал Джордж Мира, брызнув слюной в лицо старухе.